

ОДИССЕЙ

2010
2011

Школа и образование
в Сопотской школе в Польше и России

Дети, мастера и традиции
в пригороде Нью-Йорка и в родном городе
художника

Анна — художница и ее интернационализм
«Сфинксы» — Ольга Бурилова

Сью Гарднер и Нью-Йорк

ИЛЮСТРАЦИИ

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛОВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИНКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь),
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.П. ГЛУШКОВА,
кандидат исторических наук С.Г. ЯКОВЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989– .

2010/2011 : Школа и образование в Средние века и Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2012. – 000 с. – 15ВК 978-5-02-037561-1.

Альманах посвящен теме образования и религиозного воспитания в Европе от поздней античности до XX в. Разнообразные формы обучения и системы образования рассматриваются как один из важнейших инструментов формирования религиозной идентичности в европейском обществе. Рассматривается роль античной традиции в возникновении средневековой школьной системы в католическом и православном мире; исследуются проблемы национального и религиозно-конфессионального образования в странах Европы и Америки в Новое время. В разделе “Историк и изображения” публикуются статьи по средневековой иконографии. Другие разделы выпуска посвящены социальной истории, религиозной культуре средневековья и теории исторического знания. Большая часть материалов посвящена проблемам истории России, ее прошлому и актуальному настоящему.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и более широкого круга читателей...

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037561-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Лучицкая С.И., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012. Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” разработка, оформление), 1989 (год основания, 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 20102

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.).....

М.В. Рыбина

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ (IX ВЕК) .....

О.Е. Кошелева

ОБУЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ .....

Л.А. Пименова

МАГИСТРАТЫ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ: СПОРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. ....

И.М. Супоницкая

ДЖОН ДЬЮИ И “НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДВЕ УТОПИИ .....

Е.Ю. Рогачева

“НОВЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ”: ВКЛАД ДЖОНА ДЬЮИ В РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕАЛА “НОВОГО ЧЕЛОВЕКА”

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

А.Е. Махов

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОЛИФОНИИ .....

Д.И. АНТОНОВ, М.Р. МАЙЗУЛЬС

ДЕМОНЫ, МОНСТРЫ И ГРЕШНИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ .....

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В.Н. Малов

КРАХ ГЕРОИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА: “СОФОНИСБА” ПЬЕРА КОРНЕЛЯ .....

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ.....

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Петер Динцельбахер

СУД ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СУД ВСЕМИРНЫЙ.....

Жан-Клод Шмитт

СНЫ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО.....

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГ-
СКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1920-Х ГОДОВ.....

ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Л.Ф. Борусяк

“САМЫЕ ВЕЛИКИЕ...” .....

А.Г. Левинсон

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТАЛИНЕ (ПО МАТЕ-
РИАЛАМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА) .....

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

А.А. Панченко

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И “НА-
РОДНАЯ РЕЛИГИЯ” .....

Д.М. Володихин

ЧТО ЛИКВИДИРОВАЛИ, КОГДА ОТМЕНИЛИ ОПРИЧНИНУ? .....

М.Ю. Зенченко

“...ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ” (ПО ПОВОДУ СПОР-
НОСТИ БЕССПОРНЫХ МНЕНИЙ О “ТАТАРСКОМ НАСЛЕДИИ” НА
РУСИ) .....

ПУБЛИКАЦИИ

М.Ю. Неклюдова

**ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА: ШАРЛЬ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО “БЕ-
СЕДА Г-НА МАРШАЛА Д’ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ”** .....

SUMMARIES

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЛА ЛЬВОВНА ЯСТРЕБИЦКАЯ (1932–2010) .....

CONTENTS

SCHOOL AND EDUCATION IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIME.

O.V. Aurov

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: THE
MAKING OF THE CHURCH SCHOOL SYSTEM IN THE VISIGOTHIC
KINGDOM (6TH-7TH C.) .....

M.V. Rybina

RELIGIOUS EDUCATION AND THE SHAPING OF CONFESSIONAL
AND CULTURAL IDENTITY OF THE CHRISTIANS IN 9TH CENTURY
MUSLIM CORDOBA.....

O.Ye. Kosheleva

TRAINING WITHIN THE MEDIEVAL RUSSIAN ORTHODOX
TRADITION.....

L.A. Pimenova

MAGISTRATES VS. JESUITS: DISPUTES CONCERNING NATIONAL
AND RELIGIOUS/CONFESSIONAL EDUCATION IN THE MID-18TH
CENTURY FRANCE

I.M. Suponitskaya

JOHN DEWEY AND SOVIET RUSSIA'S ‘NEW MAN’: TWO UTOPIAS ....

E.Yu. Rogatchyova

‘NEW PEOPLE FOR A NEW ERA’: JOHN DEWEY’S CONTRIBUTION TO
THE IMPLEMENTATION OF THE ‘NEW MAN’ IDEAL.....

THE HISTORIAN AND IMAGES

A.Ye. Makhov

THE STRUCTURE OF MEDIEVAL IMAGES AND THE INVENTION OF
POLYPHONY.....

D.I. Antonov, M.R. Maizuls

DEMONS, MONSTERS AND SINNERS: NEGATIVE CHARACTERS IN
THE SPACE OF THE OLD RUSSIAN ICONOGRAPHY .....

Yu.F. Igina

DEPICTING A WITCH: THE ICONOGRAPHY OF WITCHES IN EARLY
MODERN ENGLISH PAMPHLETS .....

HISTORY AND LITERATURE

V.N. Malov

THE COME-DOWN OF HEROIC INDIVIDUALISM: PIERRE COR-
NEILLE’S SOPHONISBE.....

THE THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

'HISTORY OF CONCEPTS', A HISTORY YET TO BE CONCEIVED .....

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CONVERTING TO CATHOLICISM AS AN ARGUMENT IN THE LATE
18TH CENTURY HABSBERG MONARCHY .....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Peter Dinzelbacher

THE FINAL JUDGMENT: PERSONAL AND GLOBAL .....

Jean-Claude Schmitt

GUIBERT OF NOGENT'S DREAMS .....

THE HISTORIAN AND HIS TIME

L.V. Volftsun

MIKHAIL EMMANUILOVICH SHAITAN. A CASE IN THE HISTORY OF
MEDIEVAL STUDIES IN ST. PETERSBURG IN THE 1920'S .....

HISTORICAL FIGURES AND MASS CONSCIOUSNESS

L.F. Borusyak

'THE GREATEST ONES' .....

A.G. Levinson

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION ON STALIN (BASED ON LEVADA-
CENTER SURVEYS) .....

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

A.A. Panchenko

COMMUNISTS AGAINST SUPERSTITIONS: THE SOVIET STATE AND
THE 'POPULAR RELIGION' .....

D.M. Volodikhin

WHAT WAS ELIMINATED AS THE OPRICHNINA WAS ABOLISHED? ....

M.Yu.I. Zenchenko

'... THE TARTARS DEMAND THE TAMGA AND THE TITHE': ON THE
DISPUTABILITY OF INDISPUTABLE OPINIONS CONCERNING THE
'TATAR LEGACY' IN THE OLD RUS .....

PUBLICATIONS

M.S. Neklyudova

EXILED FROM THE SEVENTEENTH CENTURY: CHARLES DE SAINT-ÉVREMOND AND HIS CONVERSATION DU MARÉCHAL D'HOCQUINCOURT AVEC LE PÈRE CANAYE.....

SUMMARIES

IN MEMORIAM

Alla L'vovna Yastrebitskaya (1932–2010) .....

М.Ю. Зенченко

“... ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ”

(по поводу спорности бесспорных мнений
о “ТатАрском наследии” на Руси)

В 1847 г. декан Юридического отделения Санкт-Петербургского императорского университета Константин Алексеевич Неволин выступил с речью “Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II”. Речь носила торжественный, т.е. популяризаторский, характер, и едва ли сам Неволин сознавал, что им закладывается система взглядов, ставшая господствующей в исторической науке на целых 150 лет.

В своем выступлении К.А. Неволин в самой осторожной форме высказал предположение, что переписные работы в Русском государстве приобретают регулярный характер в ходе монгольских переписей второй половины XIII в. Эта концепция была немедленно поддержана видным российским ученым и архивистом И.Д. Беляевым. В частности, именно ему принадлежит утверждение об использовании монголами подворных методов обложения: “в китайских летописях, именно в книге Гань-му, сказано что еще в 1236 г. монголы производили перепись в Китае посемейно, а не поголовно. Следовательно, ежели такой порядок был у монголов в Китае в 1236 г., то нет причины предполагать, чтобы этот порядок был изменен при переписи, произведенной монголами в России”. На этом Беляев не остановился – расклад земли в сохи, по его мнению, также был монгольской инициативой: “по китайским источникам известно, что и в Китае монголы еще в 1236 г. разложили дань по земле, именно с одной **му** лучшей земли три гарнца с половиною... Следовательно, не без основания можно допускать, что монголы у нас стали собирать дань с земли по сохам или плугам, точно также как в Китае они собирали по тамошней мере **му**, при самом обложении данью Русских княжеств, именно во время татарских переписей”¹. Таким образом, под пером И.Д. Беляева концепция К.А. Неволина обрела окончательную завершенность: монголы на покоренных землях пользовались китайской податной системой и, соответственно, экспортировали ее из страны в страну по мере своих завоеваний.

Появившаяся в 1892 г. работа П.Н. Милюкова “Спорные вопросы финансовой истории Московского государства” (СПб.,

1892) поставила окончательную точку в этом вопросе. Милюков писал именно о спорных вопросах. Но, как видно из его работы, концепцию Неволина–Беляева он к ним уже не относил. По его мнению, монгольское нашествие «ввело важные новости в наш финансовый строй. Первой такой новостью была всем известная двухкратная перепись, “число”, установившая размеры дани»². Перу Милюкова принадлежит еще одно утверждение, ставшее впоследствии хрестоматийным – о сборе дани не с “числа”, а с основной окладной единицы Московского государства XVI–XVII вв. – *сохи*. Время возникновения *сохи* дискуссионно и в наше время, но Милюков смело отнес ее возникновение к XIII в.: – “Мы не колеблемся заключить отсюда вместе с Беляевым, что *соха* в составе двух работников и была единицей обложения уже первой татарской переписи”³. В качестве аргумента он сослался на известие Татищева о недовольстве ордынского хана Менгу-Тимура малым размером привезенной дани⁴.

Таким образом, Милюков фактически закрепил слабо аргументированную гипотезу своим немалым авторитетом, причем без серьезного научного обсуждения, разбора источников и исследования реально существовавшей в Монголии налоговой практики. Его построения возражений не вызвали. С одной стороны, проблема носила узко специализированный характер. Речь ведь шла не о практике составления и применения кадастровых описаний, а только о времени и причинах их возникновения. С другой стороны, само предположение выглядело логически непротиворечивым. Азиатские страны (Китай, Персия) в XII–XIV вв. для сбора налогов пользовались условными мерами площади: *му* в Китае, *джериб* – в Средней Азии. Поэтому в них легко можно увидеть прообраз русской условной меры площади – *сохи*. В силу этих причин даже автор наиболее фундаментального исследования по истории развития русских земельных налогов С.Б. Веселовский не стал специально останавливаться на этом вопросе⁵.

Таким образом сформировался ряд аксиоматических утверждений об истории возникновения русских земельных кадастров XVI–XVII вв.: первые переписи провели монголы в XIII в.; тогда же была произведена раскладка земель в *сохи*. Разумеется, в это же время начали составляться и первые регестовые записи земельных участков – “писцовые книги”, но, к величайшему сожалению, ранние писцовые книги до наших времен не дошли. В таком виде историю происхождения писцовых книг рассказывали своим студентам крупнейшие специалисты по аграрной ис-

тории первой половины XX в. академики Ю.А. Готье и С.Б. Веселовский, профессора Н.А. Рожков и С.В. Юшков. В таком же виде эту историю излагали и следующие поколения преподавателей своим студентам, в том числе и автору этих строк. В результате возник любопытный культурологический феномен: все *знали*, что прототип писцовых книг возник еще в XIII в. и что на Русь его занесли монголо-татары, но при этом уже начали забывать, что источник этого знания – всего на всего ничем не подтвержденная гипотеза Неволлина–Беляева–Милюкова⁶.

Зато продолжались поиски загадочно исчезнувших писцовых книг. Дело в том, что любая податная система, основанная на *записи*, неизбежно должна была оставить свои следы – если не в виде самих окладных или писцовых книг, то хотя бы в виде их упоминаний в других актовых источниках или летописях. Но таких упоминаний так и не было обнаружено. К середине 80-х годов прошлого века стало вполне очевидно, что первые документальные свидетельства о существовании писцовых книг появляются не ранее второй половины XV в., а первые документы, которые с некоторой долей условности можно отнести к писцовым книгам – только в 1484/1485 г.⁷ Вследствие этих причин кампания по их поиску была тихо свернута, а вопрос о времени их возникновения более не обсуждался.

В 2008 г. этот вопрос вновь поднял К.А. Аверьянов. В его выступлении в очередной раз была изложена концепция происхождения писцовых книг по Беляеву–Милюкову и, как стало уже общепринятым, вновь без ссылок на первоисточник⁸. Таким образом, позиция *это все знают* получила права гражданства и в XXI в., а это означает, что за истекшие 150 лет в изучении вопроса мы не продвинулись дальше К.А. Неволлина и И.Д. Беляева.

Чтобы понять соотношение русского и “татарского” в древнерусской окладной системе XII–XIV вв. необходимо ответить на два вопроса. Первый – как русское население облагалось налогами⁹ в домонгольский период. Второй – какой была монгольская окладная система.

С начала XII в. начинается процесс обособления древнерусских княжеств и, как следствие, уменьшение их территории. Князья получают возможность не объезжать свои владения для сбора дани (ездить в полюдье), а распределять этот сбор между несколькими административными центрами. В качестве таковых могли выступать города, села и погосты. Здесь необходимо сделать существенную оговорку – древнерусский город мало походил на

европейский. Существовали крупные города, которые действительно являлись центрами ремесла и торговли, но в большинстве случаев они представляли собой административные центры определенной территории, которая одновременно являлась податным и мобилизационным округом. Иными словами, русский город – это всегда *город и окружающие его земли*. Точно таким же окружным центром могло выступать *село*, а с XIII в. – *слобода*. И, наконец, если территория еще не имела четко определенного административного центра она называлась *погостом*, который именовался описательно: например, “погост на Млеве”. В середине XII в. система податных округов только начинала складываться; в конце XV в. она становится вполне сформировавшейся и, в свою очередь, начинает меняться на более сложную. Но генетическая связь между формами сбора *дани* XII в. и *данных денег* XV в. очевидна.

Для XII в. мы имеем единственный источник, который позволяет сделать хотя бы самые приблизительные выводы – *княжеские уставные грамоты*, т.е. законодательные или нормативные акты в современном понимании. Летописцы такими низкими материями, как сбор налогов, не интересовались. К сожалению, уставных грамот сохранилось меньше десятка, к тому же отрывочно и неполно¹⁰. И не все они посвящены сбору налогов. Но некоторые выводы на основе их изучения сделать можно.

Наиболее ранним документом считается уставная грамота, выданная смоленским князем Ростиславом Мстиславичем епископу Мануилу при учреждении смоленской епископии в 1136 г. В уставной части документа содержится распоряжение брать церковную десятину “от всех даней смоленских”, кроме вир, продаж и полюдьа. Далее приводится список из 34 податных объектов, с которых бралась дань. В грамоте названы восемь городов, два села и 24 погоста, обязанные смоленским князьям “судом и данью”. В городах и крупных селах существовали и более сложные системы оклада, например в Копысе, кроме дани собирали деньги с перевоза через Днепр и “торговое”. На формирующийся характер окладной системы указывает еще одна красноречивая запись: “А что ся наречет области Смоленское, или мало, или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чия си хотя, правити десятину святей Богородице, *без всякого отпису даяти*”¹¹ (курсив мой. – М.З.). Иначе говоря, в случае присоединения к Смоленскому княжеству новых территорий (что назовется Смоленской землей) и соответственно увеличения количества податных объектов, соби-

рать с них дань и отчислять с нее десятину в пользу церкви в это время можно было и без записи.

Аналогичная ситуация фиксируется источниками в Новгороде XII в. Грамота новгородского князя Святослава Ольговича 1136/1137 г. устанавливала получение новгородскими епископами десятины от всего, что входит в "княжий двор". К нему отнесены три податных округа: онежский, обонежский и бежицкий "ряды"; в каждом округе названы погосты-плательщики и получаемая с них сумма дани¹².

Мы не знаем подобного документа для земель Владимиро-Суздальской Руси, но источники дают этому вполне рациональное объяснение – в этих княжествах дань еще собиралась в виде полюдья: "Сущю тогда великому князю Гюргю *в полюдии на Ях-роме* (курсив мой – М.З.), и постави ту в его имя град Дмитров"¹³. В нач. XIII в. элементы системы записи податных объектов обнаруживаются и в Рязанском княжестве.

Можно считать доказанным, что в середине XII в. уже существовали документы с перечнями податных объектов – городов, сел и погостов с прилегающими к ним землями, фактически, прототип финансовых документов конца XIV–XV в. – *доходных списков*, и XVI–XVII вв. – *платежных книг*. При этом система записи доходов только формировалась – еще нет устоявшегося формуляра документа (окладные деньги называются то *данью*, то *уроком*), отсутствует твердое представление о размерах платежей даже в городах. Как в XII, так и в конце XIV в.¹⁴ записывались только общие суммы платежей. Количество проживавших на этих территориях людей и тем более размеры пашни князей в это время еще не интересовали. К.А. Аверьянов считает, что "мы вправе допустить, что для определения размеров собираемой дани проводились соответствующие описания"¹⁵. Допустить мы вправе что угодно. Но ни один известный нам источник ничего не сообщает ни о переписях населения, ни о землемерных работах в России вплоть до середины XV в. Всегда записывались только суммы платежей с определенных территорий. Это объективно и с этим уже пора смириться.

Таким образом, вопрос о прогрессивном воздействии кочевников–монголов на отсталых земледельцев Руси становится актуальным. Если верить Неволину–Беляеву–Милюкову, именно им мы обязаны такими новациями, как перепись населения и раскладка земли в сохи. Так какой же была монгольская окладная система?

Возникновением понятия “монгольская перепись” мы обязаны французскому исследователю Д’Оссону, который обратил внимание на то, что монголы дважды, в 1236 и 1252/1253 гг., проводили учет своего населения. Но исследователь никогда не распространял свое наблюдение за пределы коренных монгольских земель и тем более не связывал его с окладной практикой¹⁶. Учет населения в монгольском понимании был учетом *боеспособного населения* и распространялся только на монголов, которые в XIII в. продолжали оставаться народом-войском.

Недостаток войск, особенно в условиях начавшейся войны с исмаилитами и Багдадским халифатом (1256–1258 гг.), вынудил Батю и командовавшего объединенной армией хана Хулагу привлечь к службе покоренное население. Армия пополнилась за счет жителей Причерноморских степей – ясов, касогов и половцев. Принудительная служба в монгольских войсках получила название “черик” и широко использовалась как в Золотой Орде, так и в монгольском Иране. Но описавший этот принудительный набор персидский географ Джувейни, путешествовавший вместе с ханом Хулагу, ни словом не упоминает о том, чтобы набранное таким образом войско переписали¹⁷.

В завоеванных странах основным монгольским налогом XIII в. был “копчур” (монг. *хубч’ур*), который зачастую *принимают* за подушную подать. Но следует учитывать, что монгольское понимание подушной подати принципиально отличалось от нашего. Копчур собирался с *головы по счету*, а не с плательщика по записи. Таким образом, учетным элементом монгольской окладной системы была не *запись*, а цифра – “*число*”. Об этом сохранилось множество известий. Например, в 1258 г. темник Кайту-Бука потребовал от командующего сдавшейся крепости вывести всех своих людей (включая жен и детей) в поле, чтобы их пересчитать и обложить копчуrom. Копчур взымался с городов и целых провинций, в арабских и персидских источниках встречается даже особый термин (*вилаят-и копчури*), которым обозначались территории платившие копчур. И почти везде налог брался с голов по счету¹⁸.

Нам известны только два исключения. При обложении Синцзяна (Северный Китай) возник спор, что считать податной единицей – работоспособного мужчину или семейство (дом). Победила точка зрения Елюя Чуцая, который отстаивал принцип переписи по семьям и “представил монгольскому государю перепись, по которой оказалось 1 040 000 семейств, или домов”. Так что ссыл-

ка И.Д. Беляева на подворный характер монгольского обложения неправомерна. Монголы настаивали как раз на поголовном счете, а китайцы – на подворной переписи. Неверно и предположение Беляева о раскладе монголами податей по земле – это сами китайские чиновники разверстали назначенный монголами налог по земле – “с одной му лучшей земли три гарнца с половиною...” Так как работу проводили китайские чиновники, ее результаты оказались записаны¹⁹.

Имелось еще одно исключение. Стефан Орбелиани сообщает о составлении Великого Дафтара – перечня всех земельных собственников, обязанных платить налоги со своих владений. Но эту работу также проводили персидские и армянские чиновники²⁰. В Иране дафтар был составлен только во время реформ Газан-хана (1295–1304), да и то под влиянием его мусульманского советника Рашид ад-Дина; в Средней Азии (чагатайском государстве монголов) – и того позже – при Кебек-хане (1318–1326)²¹.

Вторым по распространенности монгольским налогом была “тамга”. Она являлась городским налогом – им были обложены городские ремесла и торговля. Первоначально тамга также имела числовой эквивалент: в пользу хана собиралась каждая 30 вещь. По мере развития товарно-денежных отношений тамга постепенно эволюционировала: в XIV в., например, это примерно 1/30 часть стоимости любых товаров и услуг. В некоторых исследованиях тамгу понимают как таможенный сбор. Это неверно. Персидский историк Вассаф в рассказе о принятии ислама ханом Узбеком, с удовольствием сообщил о благочестии хана, закрывшего в Золотой Орде все заведения, противоречащие шариату (кабаки и публичные дома). Заодно выяснилось, что с них был прекращен и сбор тамги²². Иными словами, речь идет именно о налоге с оборота. Достаточно сложно представить себе *таможенный сбор* с кабака или публичного дома.

Продовольственная подать “тагар” первоначально устанавливала обязанность отдавать в пользу хана каждый десятый мешок с зерновыми культурами; впоследствии эта подать стала расширено трактоваться как любой продуктовый сбор. Размер мешка, и уж тем более размеры площадей, с которых это зерно было собрано, монголов не интересовали. Фактически, это была обыкновенная “десятина”.

Итак, можно утверждать, что на первых этапах своего господства монголы использовали собственную систему сбора податей с учетом окладных объектов в числе. Учетные *записи* источниками

фиксируются как исключение из общего правила. Практика сбора монгольских налогов полностью прекращается только в середине XIV в. По наблюдениям А.-К. Али-Заде, “вместо него в земледельческих районах возродилась *старая домонгольская практика налогового обложения* (курсив мой. – М.З.)”²³. Ни одного случая переноса монголами окладной системы из одной страны в другую источники не знают, а потому говорить об использовании монголами китайских или среднеазиатских окладных норм на русских землях не вполне корректно.

Теперь рассмотрим известия российских летописных сводов. Наиболее полно они отражены в ряде заметок Новгородской первой летописи (НПЛ). Под 1257 (6765) г. говорится: “Приде весть из Руси зла, яко хотят татарове *тамгы и десятины* (здесь и далее курсив мой. – М.З.) на Новгороде, и смятошася люди через все лето...”²⁴ О требовании десятины и тамги сообщают практически все летописи. Еще одним требованием монголов было “число”: “...Тои же зимы (1259) приеха Михаил Пинещенич из Низу со лживым посольством, река тако: “аже не иметися по *число*, то уже полкы на Низовьской земли”; и яшася новгородцы по *число*”²⁵. То есть в известии речь идет только о числе – все рассуждения о переписи не более чем модернизация известия в работах наших историков. Еще одним требованием монголов стала “туска”: “Тои же зимы приехаша оканьнии татарове сыроядци Беркай и Касочик с женами своими, и нех много; и бысть мятеж велик в Новгороде и по волости много зла учиниша, беручи *туску* оканьным татаром...”²⁶ Итак, с новгородских земель монголы требовали *число*, *десятину*, *тамгу* и *туску*. Это сообщает источник, не доверяя которому нет никаких оснований.

Теперь рассмотрим их требования с учетом уже известной нам монгольской налоговой практики. Легче всего решается вопрос с “числом”. Это наиболее распространенный монгольский налог “копчур”. Он брался с людского поголовья, т.е. с “числа”. Поэтому все летописцы единодушно говорят именно о *счете* людей. Летописи не знают термина “писец”; монголы везде названы “численниками”.

Историки давно обратили внимание на то, что в Новгороде были пересчитаны не люди, а дома: “...И почаша ездити оканьнии по улицам, пишучи дома христианские... и отъехаша оканьнии, взявше *число*...”²⁷ Это известие и стало базой для многочисленных рассуждений о том, что проведенная монголами перепись носила не подушный, а подворный характер. На самом деле это

означает, что новгородцы добились очень редкой привилегии – платить не копчур, а “ханэ-шумар” – подъемную подать, которая собиралась монголами в исключительных случаях (например, для восстановления хозяйства разоренного Синцзяна в 1236–1242 гг.). Налоговые льготы Новгорода – освобождение от *копчура* – имели рациональную причину. Новгород не был завоеван монгольскими войсками, а потому накладывать на него налог, как на побежденных, монголы оснований не имели. Смоленские земли также не были завоеваны монголами и у нас нет сведений о том, что смоленские князья платили копчур со своих владений.

Тамгу признает монгольским налогом большинство исследователей. Владимиро-суздальские летописи в рассказе об “исчислении земли” о требованиях тамги ничего не говорят. Видимо, на этих землях налог начали собирать с 1252 г., т.е. после того как Батый провел радикальную замену русских князей на основных княжеских столах (изгнал великого владимирского князя Андрея Ярославича и посадил на его место лояльного ему Александра Невского, одновременно был отпущен из плена и посажен в Рязани князь Олег Ингварович). В 1259 г. монголы потребовали *тамгу* и с Новгорода. В научной литературе часто встречаются обширные рассуждения о практиковавшейся монголами системе откупов и злоупотреблениях откупщиков. Речь может идти либо о тагаре, либо о тамге, так как копчур и *черик* на откупа не сдавались. Судя по летописным известиям о городских восстаниях (1262 г., 1287 г. и 1320 г.), причиной были именно злоупотребления при сборе тамги. Иными словами, вероятно предположение, что восстания были направлены не против монголов как таковых, а против откупщиков-таньмачи. Отсюда же вытекает равнодушное отношение монголов к таким восстаниям – деньги за откуп уже получены, а дальше – не наше дело.

Требуемая монголами “десятина” также имеет аналог. Это уже упоминавшийся нами монгольский налог тагар, т.е. десятый мешок. В русских землях десятина, вероятно, собиралась не с мешка, а с плуга. Как мы уже видели, в XIII в. окладными практиками, связанными с землемерием, монголы не пользовались, предпочитая им простой счет. Так что в данном случае, речь идет не о поземельном обложении, а о доле с урожая (например, десятый сноп), которую под наблюдением баскаков собирали уполномоченные князем лица – поплужники. Такую систему мы находим практически во всех завоеванных монголами земледельческих областях.

В монгольской налоговой системе обнаруживается и туска, неоднократно ставившая в тупик наших исследователей. Ее правильно считать не налогом, а побором: А.-К. Али-Заде определил ее как подношение, которое жители капитулировавший или *добровольно* подчинившейся местности должны преподнести монгольским чиновникам²⁸. Названные в летописи Беркай и Касачик как раз и были такими чиновниками. По сообщению “Юань ши”, Бицик-Берке (Беркай) был представителем великого хана Мунке; Касачик, соответственно – Батыя²⁹. По монгольским законам им и полагалась туска. Как видим, автор Первой новгородской летописи точен даже в мелочах. Все вышеназванные элементы монгольской налоговой системы: дань (копчур), тамга, поплужное (тагар) и воин (черик), мы находим в жалованной грамоте хана Узбека митрополиту Петру 1313 г.³⁰

Вот, собственно говоря, и вся монгольская окладная система: с голов по числу, десятый мешок с урожая и 30-ю деньгу с оборота. Плюс подарок баскаку. И что тут записывать в какие-то книги? Такую окладную систему можно записать на палочке зарубками, что собственно говоря, монголы и делали. Потому что монгольское “квадратное” письмо появилось только через 20 лет после так называемой “монгольской переписи”. Его разрабатывали в 1260–1269 гг., потом десять лет преподавали в школах и лишь после этого появляются “пайцзы” (печати) и надписи на монгольском языке (с 1278 г.)³¹.

Правда, у сторонников теории “монгольских переписных книг” имеется еще один аргумент – так называемая “вторая монгольская перепись”. Сообщает о ней единственный источник – Никоновская (Патриаршая) летопись: “Того же лета (6783/1275 г.) бысть на Руси и Новегороде число второе из Орды от царя, и изочтоша вся, точию, кроме священников, и иноков и всего церковного причта”³². К этому известию и написал свой комментарий В.Н. Татищев. По его рассказу, когда великий князь Василий Ярославич привез Менгу-Тимуру дань, хан остался недовольным: “Ясак мал есть, а люди многи в земле твоей, почто не от всех дашь?” “Князь же великий отымался числом баскаков прежних, и хан повелел послати новы численники во всю землю русскую, с великими грады – да не утаят люди”³³. В достоверности этого сообщения сомневался уже Б.Д. Греков³⁴. А.А. Горский и вовсе считает, что “мы имеем дело с неудачными исследовательскими реконструкциями”³⁵, т.е. просто дописыванием В.Н. Татищевым того, чего в источнике никогда не содержалось. Сомневаемся и

мы. А потому зададимся элементарным вопросом – откуда известие о переписи могло попасть в Патриаршую летопись?

Ответ здесь вполне очевиден. Единственным документом, который можно интерпретировать, как свидетельство о проводившейся “второй переписи”, является грамота хана Менгу-Тимура неким “русским епископам”. Других документов просто нет. Именно эта грамота хранилась в Патриаршей ризнице и именно к ней могли получить доступ составители Патриаршей летописи. По сообщению публикаторов “ярлыка” Менгу-Тимура, составителей второго тома СГГиД, “подлинник” документа был обнаружен графом Н.П. Румянцевым в архиве города Риги; при этом не оговорено, на каком языке он был написан и способ формальной закрепы (печать/припись), равно как и куда он делся впоследствии. Составители считали, что “сей ярлык писан между 1270 и 1276 годами”, хотя в документе имеется дата – в год Зайца “осеннего первого месяца”, т.е. сентябрь 1313 г. И что характерно, дата на “ярлыке Менгу-Тимура” один в один повторяет дату на грамоте хана Узбека митрополиту Петру: сентябрь 1313 г. На определенные раздумья наводит еще один пассаж из грамоты, который до сих пор остался неоцененным по достоинству: “Чинги Царь, потом кто ни будет, дал есмя жалованные грамоты Руским митрополитом и церковным людем, тако молвячи...”³⁶ Интересный документ хранился в казне у русских митрополитов. Чингисхан, оказывается, о завоевании русских земель еще и не думал, но от всех монгольских налогов, которые, кстати, были введены только при хане Гуюке (1246–1248) – владения Русской Православной церкви освободил. Честно говоря, о “ценности” подобного источника можно было задуматься и ранее.

Подложный ярлык, вероятно, был составлен в период пребывания на кафедре митрополита Киприана (1389–1404 гг.). Именно в этот период проводились беспрецедентные работы по упорядочению имущественных прав митрополичьей кафедры³⁷. Допустимо предположение, что именно хозяйственный Киприан и решил добавить к уже имеющейся грамоте от хана Узбека еще один документ – от “первых” монгольских царей. Правда, писавший грамоту инок перестарался, и первым царем, пожаловавшим русских митрополитов, назвал самого Чингисхана, но, как мы видим, на это внимание никто не обратил. Легко объяснимо и появление в грамоте имени Менгу-Тимура: о визите в Орду Василия Ярославича в 1275 г. сообщают почти все летописные своды; при этом

Менгу-Тимур (в отличие от других ордынских ханов) везде назван по имени.

Следующим этапом стал XVII в. Составлявшие Патриаршую летопись монахи обнаружили ярлык “Менгу-Тимура”, связали его с тем же визитом Василия Ярославича в Орду в 1275 г. и выстроили простейшую логическую цепочку: раз был дан ярлык, значит, была и новая перепись. Вероятно, летописцы сами были не слишком уверены в своих предположениях, а потому и поместили это известие в ряду не слишком важных – между записью о преставлении епископа владимирского и суздальского Серапиона и сообщением о поимке трехного “медведя”³⁸.

В середине XVIII в. Патриаршая летопись попала в руки В.Н. Татищева. Он связал визит в Орду Василия Ярославича и сообщение о проведении новой переписи, скомпилировав два разных известия с разным происхождением в одно: если дань привезли, а потом была проведена новая перепись, значит хан был недоволен (читай выше). Такова источниковая база сторонников “второй монгольской переписи” – подложный ярлык, единичная запись в летописи XVII в., не подтверждаемая другими источниками, и “реконструкция” ученого XVIII в. Перед нами скорее историографическая схема, представляющая безусловный интерес как опыт осмысления нашей собственной истории в разные временные отрезки, но едва ли имеющая отношение к процессам формирования реальной податной практики.

Распространению легенды о “второй монгольской переписи” способствовало появление на русском языке монографии британского исследователя Джона Феннела “Кризис средневековой Руси”. В сюжетах, связанных с “распространением татарщины” на русских землях Феннелл был не вполне объективен и с удовольствием привлекал источники самого сомнительного происхождения. Одним из таких спорных моментов и явилась история о проведении второй татарской переписи в 1275 г. Д. Феннел написал о второй переписи, как о состоявшемся факте, причем в очень пафосных тонах: “В этот раз летописи ничего не сообщают о реакции русских княжеств на перепись. Противодействия переписчикам те не оказали. И действительно, большинство летописей вообще не упоминают о переписи. Спротивлению пришел конец”³⁹. Прекрасный образец исследовательской логики – раз летописи о второй переписи молчат, то сопротивления не было. Но существует и другое объяснение – раз летописи молчат, то пе-

репись вообще не проводилась. А такую возможность Д. Феннел даже не рассматривал.

Вторая монгольская перепись – это миф. После смерти великого хана Менгу (1259) ни один источник (монгольский, китайский, арабский, персидский) не сообщает о проведении переписей на подконтрольных монголам территориях. В этом просто не было необходимости. Обложение копчуром населения и тамгой городских торгов и ремесел и без того было тяжелейшей повинностью, разорявшей целые области. А в случаях ощутимой нехватки средств монголы применяли специальную подать, которая так и называлась – “немари” (прибавление)⁴⁰.

Осталось ответить на последний вопрос: сохранились ли хоть какие-либо данные от работы монгольских численников? Вопрос совсем не праздный, так как никакими количественными данными о населении Владимиро-Суздальской Руси ни за XIII, ни за XIV в. мы не располагаем. Но можно попробовать сделать хотя бы приблизительные прикидки.

Ставка копчура была установлена при хане Гуюке (1246–1248): с состоятельного человека – семь динаров (золотая монета весом 2,42 грамма), с малоимущего – один динар в год⁴¹. В 1253 г. совместным решением великого хана Мунке и Батыя была установлена практика круговой поруки – плательщиком становился десяток; подать с десятка обычно собиралась по среднему числу (70:2) – 35 динаров в год⁴². Разумеется, речь идет только о средней норме – известны случаи, когда монголы брали по семь динаров с человека, а иногда и больше.

Русские княжества рассчитывались серебром, предположительно – по такой же норме. В XIII–XIV вв. в динаре считалось шесть серебряных дирхемов; следовательно, с десятка монголы в среднем получали 210 серебряных монет (примерно 300 г серебра). В конце XIV в. размер “ордынского выхода” с объединенного Владимирского и Московского княжеств составлял 5320 руб.⁴³ Арабский путешественник XIV в. Ибн Баттута считал в русском рубле пять арабских унций (от 30 до 37 г, в среднем 33 г), следовательно, в рубле было в среднем 165 г серебра⁴⁴. Получается, что за Московские и Владимирские земли в Орду в конце XIV в. отвозили примерно 900 кг серебра в год, что равнялось плате за 30 тыс. человек. Видимо, столько и насчитали монголы в середине XIII в. Можно предполагать, что эта сумма пересматривалась, но документальных свидетельств этого нет. Тенденция говорит скорее о другом – уже с середины XIV в. русские князья

старались эту сумму минимизировать (Дмитрий Донской с 1372 по 1382 г. в Орду вообще ничего не отвозил). И конечно сумма пересматривалась путем торга с монгольскими ханами, а не вследствие регулярной переписи населения – уж о таком событии русские летописи обязательно бы сообщили.

Теперь, когда мы знаем, что учетным элементом монгольской системы была не запись, а их цифровой эквивалент – “число”, можно отыскать и следы так называемых “монгольских переписей”. Это суммы “ордынского выхода”, распределенные между городами и переходящие от владельца к владельцу как неотчуждаемая часть общих городских расходов. Очевидно, что в монгольское “число” попали старейшие русские города и уплата ими денег в “ордынский выход” выглядит вполне закономерной. Но “выход” платили и города, даже не существовавшие к началу монгольского нашествия: например, Малый Ярославец платил 76 руб., Можайск – 167 руб. То есть монгольский платеж с “числа” в XIV в. превратился в дополнительную подать, которая собиралась со всех русских городов и “тянущих к ним” земель. Русские “администраторы” самостоятельно разверстали этот налог на “людское поголовье” по существовавшим податным округам. Монгольской или китайской заслуги в этом нет.

Разумеется, нами описана налоговая система, а не ее реальное воплощение на практике. Но когда речь идет о государственном налогообложении, наиболее существенным является установление их принципов. О нарушении этих принципов и злоупотреблениях, неизбежно сопровождающих сбор налогов в любой стране, разговор особый. Но, как мы видим, ничего прогрессивного монголы в Россию не принесли. Счет велся по головам, с человеческого поголовья брался и налог – вероятнее всего с “тьмы” – с десяти тысяч. “Поплужное”, не более чем десятая, десятая доля в урожае. Разглядеть в ней зачатки землемерия и раскладки податей “по земле” источники решительно не позволяют. И уж совсем анекдотичным выглядит утверждение, что из “монгольских переписей” сложилась российская податная практика.

¹ *Беляев И.Д.* Разбор сочинения Г. Осокина под заглавием “О понятии промыслового налога и об историческом развитии его в России” // *Летопись занятий Демидовского Лицея*. 1852. Вып. 26. С. 199–243.

² *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 18.

³ Там же.

⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1965. Т. V. С. 51.

- ⁵ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. М., 1915–1917. Т. I–II.
- ⁶ См., например, монографию *Е.И. Кольчевой*, в которой происхождение писцовых книг объяснено по схеме *Беляева–Милукова*, но ссылок на предшествующую историографию нет. См.: *Кольчева Е.И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 7–8.)
- ⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. III. Док. 291а. С. 308–311.
- ⁸ *Аверьянов К.А.* О времени возникновения писцовых книг // *Материалы XV Всероссийской науч. конф. "Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков"*. М., 2008. С. 15–16.
- ⁹ В разных источниках они называются *данью* или *уроком*.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972.
- ¹¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–143.
- ¹² Там же. С. 147–148.
- ¹³ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 77
- ¹⁴ Данные за XIII в. не сохранились.
- ¹⁵ *Аверьянов К.А.* Указ. соч. С. 17.
- ¹⁶ *Д'Оссон К.* История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Иркутск, 1937.
- ¹⁷ *Али-заде А.-К.* Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII – XIV веках // *ВИ.* 1952. № 8. С. 60–61.
- ¹⁸ Монгольская налоговая система достаточно подробно освещена в ряде специальных работ. Здесь и далее использованы исследования: *Али-заде А.-К.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV веках. Баку, 1956; *Бартольд В.В.* Образование империи Чингисхана // *Бартольд В.В.* Собр. соч. М., 1968; *Т. V. Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960; *Чулууны Далай.* Монголия в XIII–XIV веках М., 1983, и ряд других.
- ¹⁹ "Юань ши" (История династии Юань) в переводе *Н.Я. Бичурина* // *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. (Далее: История династии Юань...).
- ²⁰ *Патканов К.П.* История монголов по армянским источникам. СПб., 1873. Вып. I–II.
- ²¹ *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960.
- ²² *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда. Очерк истории улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв. Л., 1937. С. 109.
- ²³ *Али-заде А.К.* Социально-экономическая ... С. 209.
- ²⁴ Новгородская Первая Летопись старшего и младшего изводов. М.– Л., 1950. (Далее: НПЛ). С. 82.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ НПЛ. С. 82–83.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ В разных источниках этот побор назывался "таргу", "тазгу" или "тозгу". Новгородцы, видимо, познакомились со звучанием "тозгу" и переделали ее в "туску". См.: *Али-заде А.К.* Социально-экономическая... С. 238.
- ²⁹ История династии Юань...
- ³⁰ Собрание государственных грамот и договоров. (Далее: СГГиД). М., 1819. Т. II. С. 9.

- ³¹ Чулууны Далай Указ. соч. С. 152–153.
- ³² ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 152.
- ³³ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. V. С. 51.
- ³⁴ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 141.
- ³⁵ Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 219.
- ³⁶ СГГид. М., 1819. Т. II. С. 5–6.
- ³⁷ Подробнее об этом см.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 118–124.
- ³⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. (Репр.). С. 152.
- ³⁹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 184–185 (Fennel J. The Crisis of Medieval Russia 1200–1304. L., 1983).
- ⁴⁰ Али-заде А.К. Социально-экономическая... С. 242.
- ⁴¹ Там же. С. 118.
- ⁴² Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 365.
- ⁴³ Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. Док. № 11.
- ⁴⁴ Савельев В.К. Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелаиридские и др. СПб., 1865; Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.